

Несмотря на то что театр — искусство коллективное, его путь и успех определяет, как правило, один-единственный человек — главный режиссер. Личность художника — это лицо театра. Знаменитый Театр у Никитских ворот немислим без Марка Розовского.

— Марк Григорьевич, страну лихорадит, а в Театре у Никитских ворот как будто ничего не изменилось: так же начался новый сезон, все та же веселая суматоха за кулисами, та же атмосфера бесшабашного праздника на сцене. Похоже, после всего, что выпало на долю вашего театра, вас уже ничем не выбить из колеи. А ведь за десять лет бывало всякое...

— Еще в 1983 году мы были на положении драмкружка в Доме культуры медиков. Три года спустя Театру у Никитских ворот разрешили быть, но при этом не дали ни рубля. Мы должны были доказать, что сможем выдюжить. Играли по 650 спектаклей в сезон в тысячных залах с аншлагами, объездили всю страну и доказали. Тогда мы были на хозрасчете. Нас убеждали, что театр на хозрасчете жить не может. Сегодня я готов согласиться с этим, потому что цены возросли не в три раза, а в тридцать три, если не больше. В таких условиях театр может существовать только на дотации.

— А как же театральная реформа?

— По-настоящему театральная реформа в нашей стране еще не было. Государство, безусловно, испытывает неудобства, держа у себя на загривке около семисот театров. Я знаю, как добываются деньги, и немного стыжусь того, что сегодня мы живем на дотациях. Но, с другой стороны, результат труда, благодаря которому возникают произведения искусства, бесценен. Русское искусство мы еще не научились по-настоящему представлять в мире, хотя это наш золотой запас. И если мы научимся распоряжаться этим...

— ...нищее наше искусство наконец получит материальную поддержку?

— Речь не идет о баснословной прибыли. Менеджмент в искусстве не обязательно должен сочетаться с чистой коммерцией. Но авторитет русского искусства возрастет. Сегодня, когда все, казалось бы, открыто, мы все равно реально отделены от культуры Европы.

— Но вашему театру удается прорваться к зарубежному зрителю. "История лошади" объехала полмира, "Гамбринус" отправляется в тур по двадцати городам США...

— Но если мы действительно стали свободными, почему бы не воспользоваться этой свободой? Конечно, есть риск оказаться в убытке, но выигрыш получается все же колоссальный. В прошлом году мы за свой счет съездили на фестиваль в Авиньон, в этом сыграли "Историю лошади" на театральном фестивале в Эдинбурге, в церкви Свято-

го Джона. И надо было видеть, какими аплодисментами провожала нас английская публика!

— С поездкой во Францию вам помог московский Комитет по культуре. А откуда, простите, у бюджетного театра средства на другие заграничные вояжи?

— Я научился делать спектакли не так, как учил Константин Сергеевич — художник приходит после того, как начались репетиции, а наоборот: сначала обговариваю с художником декорацию, медленно, частями

Марк РОЗОВСКИЙ:

Робот может стать режиссером

Но тогда нужны актеры-роботы...

делаю ее. Только когда декорация готова, начинаю работать с актерами. В такой ситуации у меня нет права на ошибку, иначе все может обернуться катастрофой. "Песня нашего двора" или "Доктор Чехов" практически не потребовали никаких средств. Так что не все в театре решают деньги. Голь на выдумки хитра. Мне близки слова Немировича-Данченко, который говорил, что театр — это не обязательно роскошные декорации. Два талантливых артиста на коврике могут убедить нас в том, что они — мастера. В нашем театре нет звезд, но есть мастера. Поэтому я смею думать: происшедшее в Театре у Никитских ворот уникально. Хотя бы то, что на деньги, которые когда-то выручили за спектакли, мы не только создали грандиозный репертуар, но еще и построили два театральные помещения.

— Недавно увенчалась успехом ваша многолетняя борьба за здание Кинотеатра повторного фильма...

— Бюрократическая волокита продолжалась 10 лет. Дом этот на виду у Москвы, лакомый кусок, здесь схлестнулись интересы многих организаций, которые были гораздо сильнее нас. Создать театрально-культурный центр, в котором Театр у Никит-

ских ворот был бы основной структурной единицей, как я поначалу предлагал, в этих условиях оказалось невозможным.

— Почему?

— Потому что недавно, когда постановление было почти всеми организациями подписано, Главное правовое управление вдруг стало нам объяснять, что в этом случае мы перестанем быть театром, а перейдем в разряд культпросветучреждений. Таким образом, я, всю свою жизнь посвятив созданию театра, превращался в директора клуба!

К счастью, все пришли к выводу, что надо просто помочь театру, расширив его помещения, и поэтому нынешний проект постановления называется "О развитии Театра у Никитских ворот". Мы получим новую сцену.

культуру. Государство должно дать возможность честным богатым людям помогать театрам.

— Так что же, нужно распустить государственные театры?

— Это было бы величайшей катастрофой для людей, которые многие десятилетия служат русскому искусству. Но, с другой стороны, содержать эти театры в том виде, в каком они есть сегодня, невозможно. Потому что это та же распределительная система, которая была при социализме.

— Вы напоминаете мне Дон Кихота с его бесстрашием и наивной верой в торжество справедливости.

— В конце нынешнего века и в начале следующего только донкихотские безумные идеи и могут реализоваться. То, что казалось невозможным, оказывается абсолютно реальным. И в театре это не раз уже было доказано, потому что театр — мир вымышленный, фантазийный. Театр — это то, чего нет. Поэтому в театре донкихотское воображение обретает реальную плоть. И без этого донкихотства в театре и шагу нельзя шагнуть. Мы создаем выдуманные миры, которые иногда оказываются более реальными, чем окружающий нас мир.

— Но если смотреть на вещи прагматично, новый век обещает засилье виртуальности. Выживет ли театр в этих обстоятельствах?

— Российский человек душевен изначально, и российский театр, театр человеческий, будет всегда. Если не уйдет в виртуальную реальность и не начнет перемешивать пустоту. Пустоту в нем будут милая чепуха, милые абсурды, благоглупости. Самое главное — бессодер-

М. Розовский (справа) и театровед Б. Поуровский.

На это будет потрачено минимум средств из городского бюджета, а Москва получит настоящий театр. Сегодня, имея крошечный зальчик на 75 мест и репертуар, состоящий из 25 названий, мы просто губим наше дело. При аншлагах у нас кризис роста. Надеемся, что проект будет подписан в самое ближайшее время.

— Обустраивать новый зал будете своими силами?

— Конечно. В нем планируем создать около двухсот мест. Нынешнее наше помещение — бывшая коммунальная квартира (мы называем его "Зал квартиры номер 8") — не позволяет устроить ни одного репетиционного помещения.

— Создается впечатление, что нынешний кризис вас особенно не пугает...

— Все, что переживает страна, отражается и на нас, тем более что театрчик небольшой. Сегодня нужно найти новые способы финансирования театра за счет изменения налоговой системы. Надо наконец сделать так, чтобы меценату, спонсору было выгодно вкладывать деньги в

жательным он не имеет права быть... Ну хорошо, мы узнали, что компьютер обыграл в шахматы чемпиона мира Каспарова. (Большое разочарование человечества!) А я подумал: пусть вместо меня, режиссера, на репетиции будет компьютер. Запрограммируйте все существующие в мире спектакли "Дядя Ваня" в его машинной памяти, и пусть он вам выдаст свои рекомендации. И вместо артистов пусть будут компьютеры. Возможно, в третьем тысячелетии кто-то и додумается до этого... Уважая гений Гарри Каспарова, я смело могу сказать, что в театре машина у меня не выиграет. Потому что ее спектакль будет состоять из штампов.

Как бы ни было трагично все, что обрушивается на нас сегодня, театр будет. Будут всплески, будет расцвет технологических элементов, искусство актерское станет еще более мастерским и виртуозным. Но бесценна слеза человеческая. Бесценен смех в зрительном зале. Это выше всего.

Беседовала
Наталья БОГАТЫРЕВА.

291
Розовский Марк

Росси... газета
- 1998.
- 18 ноября
- с. 8